Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 3. С. 98–107. ISSN 1998-0817
Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 3, pp. 98–107. ISSN 1998-0817
Научная статья
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
Научная статья
УДК 821.161.1«19»
EDN TOEMOE
https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-3-98-107

СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПОВЕСТИ «ЮНОСТЬ» (1857 Г.) В КОНТЕКСТЕ ИДИОСТИЛЯ Л.Н. ТОЛСТОГО И ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ЭПОХИ

Романов Дмитрий Анатольевич, доктор филологических наук, профессор, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия, kafrus@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-9650-3408

Аннотация. Уже при создании своих ранних повестей (в том числе повести «Юность») Толстой выработал вполне определенное отношение к отбору лексики и ее функциональному использованию в тексте. Придание прилагательным нравственной семантики категориальных значений, расширение корпуса литературной лексики за счет «камерных» единиц, использовавшихся в семейном кругу писателя, активное внедрение новообразований (потенциальных слов, сложных прилагательных и наречий, русифицированных заимствований, оригинальных иноязычных вкраплений) – все это показательные черты толстовского идиостиля. Опираясь на данные Национального корпуса русского языка, можно утверждать, что Толстой заметно обновил лексический фонд литературного языка своей эпохи. Толстовский семантический отпечаток проявляется во многих словах до настоящего времени. Работа писателя с выразительными ресурсами языка, возведение некоторых из них в ранг художественных деталей формировали поэтику внешней сдержанности повести «Юность» при углублении психологической нагрузки нетропеических языковых средств (диминутивов, повторов, композиционных сопряжений). Важное место занимают в повести «образы прямой речи» (по Л.Я. Гинзбург), которые служат одним из средств воплощения духовного кризиса и преображения главного героя.

Ключевые слова: художественный текст, Л.Н. Толстой, идиостиль, лексика, новообразования, заимствования, деталь, тропы, прямая речь.

Для цитирования: Романов Д.А. Словоупотребление повести «Юность» (1857 г.) в контексте идиостиля Л.Н. Толстого и литературного языка эпохи // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 3. С. 98–107. https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-3-98-107

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 25-28-20226 «Контексты биографической трилогии Л.Н. Толстого: XXI век», https://rscf.ru/project/25-28-20226.

Research Article

WORD USAGE IN THE STORY “YOUTH” (1857) IN THE CONTEXT OF LEO TOLSTOY’S IDIOSTYLE AND THE LITERARY LANGUAGE OF THE ERA

Dmitry A. Romanov, DSc in Philology, Professor, Leo Tolstoy Tula State Pedagogic University, Tula, Russia, kafrus@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-9650-3408

Abstract. Even in the creation of his early oeuvre (including “Youth”), Leo Tolstoy developed a very specific approach to the selection of vocabulary and its functional use in the text. The imbuing of adjectives with the moral semantics of categorical meanings, the expansion of the literary lexicon by incorporating “chamber” units used in the writer’s family circle, and the active introduction of new formations (potential words, compound adjectives and adverbs, Russified loanwords, and original foreign-language inclusions) are all indicative of Tolstoy’s idiostyle. Based on data from the National Corpus of the Russian Language, it can be argued that Tolstoy significantly updated the vocabulary of the literary language of his era. Tolstoy’s semantic imprint is evident in many words to this day. The writer’s manipulation of the expressive resources of language, elevating some of them to the rank of artistic details, shaped the poetics of the outward restraint of the story “Youth” while deepening the psychological impact of non-tropical linguistic devices (diminutives, repetitions, compositional conjunctions). “Images of direct speech” (according to Lidiya Ginzburg) occupy a prominent place in the story, serving as one of the means of embodying the protagonist’s spiritual crisis and transformation.

Keywords: literary text, Leo Tolstoy, idiostyle, vocabulary, new formations, borrowings, detail, tropes, direct speech.

For citation: Romanov D.A. Word usage in the story “Youth” (1857) in the context of Leo Tolstoy’s idiostyle and the literary language of the era. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 3, pp. 98–107. (In Russ.) https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-3-98-107.

© Романов Д.А., 2026

Acknowledgments. This study was supported by grant no. 25-28-20226 from the Russian Science Foundation, "Contexts of Leo Tolstoy's biographical trilogy: the 21st century", https://rscf.ru/project/25-28-20226.

Толстой сомневался в том, что повесть «Юность» удалась стилистически. В письме А.В. Дружинину 21 сентября 1856 г. он сетовал: «Кажется мне… что она очень плоха – особенно по небрежности языка, растянутости и т. д. … когда я пишу один, никому не читая, то мне обыкновенно одинаково думается, что то, что я пишу, превосходно и очень плохо, теперь же гораздо больше думается последнее» [Толстой 1965: 101–102]. Дружинин, прочитав рукопись, уже 6 октября ответил Толстому, согласившись с ним в том, что повесть имеет существенные недостатки слога: «Вы сильно безграмотны, иногда безграмотностью нововводителя и сильного поэта, переделывающего язык на свой лад, и навсегда… Наверно можно сказать, что все пассажи, написанные с любовью, у Вас превосходны, но чуть Вы холодеете, у Вас слог путается и являются адские обороты речи» [Переписка: 186].

В обсуждение повести был втянут весь в то время для писателя «бесценный триумвират»: Дружинин, Боткин, Анненков. В декабре 1856 г. Толстой дорабатывает повесть – в основном стилистически. Но требования пусть и уважаемых им критиков учитываются им далеко не полностью. У Толстого растет внутреннее, еще не до конца осознанное им сопротивление привычным мнениям «корифеев эпохи», потому что он в своем художественном новаторстве уже вышел за привычные рамки положительных литературных оценок своего времени. Это точно выразил Б.М. Эйхенбаум, заметивший по поводу дружининской критики: «Это наставническое письмо вряд ли могло обрадовать Толстого, но и вряд ли было принято им во внимание» [Эйхенбаум: 297]. Н.И. Бурнашева отмечала, что, «поправляя» в Петербурге для печати «Юность», Толстой в декабре 1856 г. был погружен совершенно в иные мысли и занятия: он обдумывал сюжет будущего «Альберта», читал Пушкина и Белинского, много занимался музыкой, неоднократно посещал оперу и концерты [Бурнашева 2005: 294–297].

Толстой уже начал строить свой оригинальный художественно-языковой стиль, весьма отличный от привычного языка литературы конца 1850-х гг., а во многом и противопоставленный ему. Укажем, что проницательный Дружинин это чувствовал. В финале уже цитированного письма он заметил: «По замыслу и по сущности труда – Ваша "Юность" будет гастрономическим куском лишь для людей мыслящих и чующих поэзию» [Переписка: 187]. Толстой создавал собственные, уникальные приемы словоупотребления, которые определяли литературу совершенно нового типа.

Лексика повести в лингвостилистическом аспекте. Словотворчество Толстого. В третьей повести биографической трилогии Л.Н. Толстого стала проявляться та особенность его работы со словом, которая будет затем свойственна всем произведениям писателя: возведение лексики морально-нравственной семантики в разряд этических категорий. Придание категориальности значению определенных разрядов лексики заметно проявится в «Войне и мире», «Анне Карениной», «Смерти Ивана Ильича», «Крейцеровой сонате», «Воскресении» и др. [Романов 2008]. Действительно, «система ценностей, предлагаемая читателю в трилогии (как и вообще решительно во всех произведениях Толстого) преподнесена как система ценностей абсолютных, заложенных в природе, в том числе и в природе человека, самим актом Божественного творения» [Лесскис: 98].

Уже в первой главе повести «Юность» читаем: «Но до сих пор я наслаждался только открытием новых мыслей, вытекающих из этого убеждения, и составлением блестящих планов нравственной, деятельной будущности; но жизнь моя шла тем же мелочным, запутанным и праздным порядком. Те добродетельные мысли, которые в беседах перебирали с обожаемым другом моим Дмитрием… еще нравились только моему уму, а не чувству» [Толстой 1960: 209]. В данном примере вполне ощутимо категориальное усиление значений прилагательных *деятельный, мелочный, запутанный, праздный, добродетельный*. Нужно заметить, что и в дальнейшем наиболее часто категориальные значения у Толстого будут приобретать именно прилагательные. Затем это проявится у прилагательных, характеризующих светскую жизнь, государственную службу, религиозные установления, семейные отношения и др. [Романов 2019]: «…взгляды самого Толстого на протяжении жизни менялись, центр тяжести изображения перемещался, но при этом сам Толстой каждый раз будет считать свои оценки в каждый данный момент абсолютными…» [Лесскис: 98].

Использование так называемой камерной фразеологии (термин В.Л. Архангельского [Архангельский 1972: 160]) также станет чертой толстовского идиостиля. Многие устойчивые сочетания его произведений, проникшие в текст из речевого обихода семейства Толстых, станут затем широко известными. В «Юности» таковым является выражение «*сын за отцом пришел*»: «Погода после мокрого снега, который, бывало, Карл Иваныч называл "*сын за отцом пришел*", уже три дня стояла тихая, теплая и ясная» [Толстой 1960: 210]. Данное выражение отмечается в настоящее время обязательно со ссылкой

на Толстого, то есть перед нами образец камерной фразеологии в полном смысле этого термина. Выражение было в ходу в семействе Толстых и опиралось на опыт народной речи: отдельные своды пословиц и поговорок фиксируют как редкие фразы вроде «*молодой за старым пришел», «внучек за дедушкой пришел»* – в том же значении ‘мокрый весенний снег’, ‘снег весной после теплой погоды’ (см., например: [Рыбникова: 143]).

В текстах Толстого, помимо камерных языковых единиц (лексики в необычных для языка значениях, семейных фразеологизмов и присловий), встречаются слова диалектного характера, которые употреблялись ближним кругом писателя и таким образом примыкают к камерным единицам. Собственно диалектизмами, используемыми только для создания «народного» колорита или при обращении к темам, связанным с жизнью простых людей, Толстой никогда не злоупотреблял. Даже в «народные рассказы» и «Русские книги для чтения» он включал областную лексику крайне осторожно. Но отдельные подобные лексемы в функции опознавательных знаков именно его идиостиля отмечаются. Примером в повести «Юность» может служить существительное *полосушка*, означающее грубую ткань хлопчатобумажного состава, применяемую для изготовления одежды, а также матерчатых изделий интерьера. Вот описание бельэтажа дома на Арбате, где жили Корнаковы: «Везде лежали полосушки, прикрепленные чисто-начисто вычищенными медными прутами, но ни цветов, ни зеркал не было» [Толстой 1960: 266]. По данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ)[1], это слово встречается в шести текстах основного корпуса; из девяти обнаруженных словоупотреблений шесть – толстовские («Юность», «Семейное счастье», «Отец Сергий», «Воскресение»), еще три – из произведений В.И. Даля и Д.В. Григоровича. Таким образом, это диалектное слово типично толстовское, регулярно используемое им в литературных контекстах, хотя оно и относится к лексике ограниченного употребления – диалектизмам южнорусского распространения.

В молодые годы Толстому не было чуждо авторское словотворчество, то есть создание новых лексем – преимущественно по устойчивым языковым моделям (генерация так называемых потенциальных слов). В своих произведениях Толстой «оживил» многие потенциальные слова русского языка. Так, в «Юности», по свидетельству НКРЯ, впервые в русском языке употреблено прилагательное *последождевой*: «Случалось ли вам летом лечь спать днем в пасмурную дождливую погоду… почувствовать запах последождевого воздуха…» [Толстой 1960: 213]. НКРЯ фиксирует четыре словоупотребления этого прилагательного. Первое принадлежит Толстому, следующее – И.А. Бунину (дневник 1911–1919 гг.), два других – писателям рубежа XX–XXI вв. В.О. Пелевину (1999 г.) и В.Д. Алейникову (2002 г.).

К числу излюбленных (регулярно создаваемых) толстовских неологизмов относятся сложные прилагательные и наречия, представленные в разных главах «Юности». Приведем обнаруженные нами сложные неологизмы писателя без контекста: *приятно-слезливая* [Толстой 1960: 388], *мрачно-любовный* [Толстой 1960: 338], *торжественно-серьезно* [Толстой 1960: 366], *дружески-родственно* [Толстой 1960: 270], *грязно-пестрые* [Толстой 1960: 275], *глупо-самодовольная* (улыбка) [Толстой 1960: 248], *притворно-рассеянно* [Толстой 1960: 249]. Большинство из них необходимы автору как «связанные кирпичики» в воспроизведении дискретного, но при этом целостного психического процесса личности. Сложная по составу (многокомпонентная) лексика наглядно демонстрирует сущность художественного метода писателя: «Разлагая психический процесс на его мельчайшие составные части и рассматривая каждую из них под микроскопом своего художественного зрения, Толстой тем самым достигает поразительной конкретности, пластичности, материальной ощутимости созданных им образов» [Купреянова 1956: 47].

Повесть «Юность» содержит новое для середины XIX в. наречие *гримасливо*: «…подмигивая глазом, гримасливо подергивать головой набок…» [Толстой 1960: 247]. Названное слово, по данным НКРЯ, встречается только у Толстого. При этом производящее прилагательное *гримасливый* не отмечено Национальным корпусом ни в одном тексте. Слово *гримаса* впервые зафиксировано «Новым словотолкователем…» Н. Яновского 1803 г., а к 1847 г. в языке стали возможны его многочисленные производные, указанные академическим «Словарем церковнославянского и русского языка»: *гримасник, гримасница, гримаска, гримаситься, гримасничать, гримасливый, гримасливо* [САР 1847: 292]. Часть из них так и стались гипотетическими, потенциальными, не перешедшими в текстовое пространство языка. Существительное *гримасник* встречается в «Воскресении» Толстого и в ряде других произведений известных авторов рубежа XIX–XX вв.: в «Воспоминаниях» Ф.И. Буслаева (1897 г.), в пьесе М. Горького «Дачники» (1904 г.). Еще раз отметим, что потенциальное прилагательное *гримасливый* не включено ни в один текст, составляющий НКРЯ, а наречие *гримасливо* встречается только в «Юности» Толстого.

В состав новообразований Толстого входят отдельные просторечные слова. Вероятнее всего, это не результат словотворчества писателя, а свидетельство его внимательности к речи окружавших его простых людей. Впоследствии Толстой довольно часто будет впервые использовать в литературном нарра-

тиве слова и выражения из речи крестьян Ясной Поляны, кавказских казаков, солдат севастопольской обороны и т. д. Такие слова встречаются в «Казаках», «Войне и мире», «Плодах просвещения», «Власти тьмы», «Хаджи-Мурате» и других произведениях. К числу подобных слов относится впервые употребленное в повести «Юность» существительное *похряскивание*: «…шум мостовой заменился просторным видом полей и мягким похряскиванием колес по пыльной дороге…» [Толстой 1960: 275]. НКРЯ дает на это слово единственное вхождение, принадлежащее Толстому. Потенциальный производящий глагол *похряскивать* НКРЯ не фиксируется.

Толстой нередко включал в художественный текст какие-либо грамматические или орфографические формы слов, имевшие в его время ограниченное хождение в языке. Склонность писателя к стилистическому использованию низкочастотной для своего времени лексики проявляется на протяжении всего его творчества. Именно поэтому произведения Толстого выступают своего рода хранителями отдельных экзотических явлений словаря XIX в. В частности, в повести «Юность» можно отметить с этой стороны глагол *разлиневать*: «Надо было разлиневать бумагу» [Толстой 1960: 220]. По данным НКРЯ, глагол *разлиневать* встречается в корпусе текстов лишь дважды: помимо толстовского употребления, еще в воспоминаниях «Из пережитого» Н.П. Гиляров-Платонова (1886 г.). Эта огласовка глагольного суффикса была, таким образом, достаточно редкой во время написания повести «Юность». *Линевать* вместо *линовать*, очевидно, употреблялось Толстым уже как языковой экзотизм. Бесприставочный глагол с тем же редким для него суффиксом *линевать* НКРЯ отмечает только в очерковом цикле Г.И. Успенского «Растеряевские типы и сцены» (1877 г.): *линеванные бланки*. Насколько подобная огласовка была экзотичной, дает представление статистика употребления привычного до сих пор *разлиновать*: в НКРЯ – 136 текстов со 155 примерами. Причем нужно отметить, что такая более привычная форма, несомненно, существовала в эпоху написания повести «Юность» и даже несколько раньше: НКРЯ отмечает *разлиновать* во «Фрегате “Паллада”» И.А. Гончарова (1855 г.), «Молотове» Н.Г. Помяловского (1861 г.), в произведениях Ф.М. Достоевского и М.Е. Салтыкова-Щедрина того же времени. Причина обращения Толстого к экзотическим огласовкам и формам слов, очевидно, состоит в намерении воспроизвести в точных деталях особенностей словоупотребления своей семьи и ее ближайшего круга, дабы сделать автобиографическое повествование максимально достоверным. Эта достоверность создает особый колорит не только биографической трилогии, но и других произведений Толстого, где воспроизводится дворянский быт середины и второй половины XIX в. Писатель осознанно воссоздает речь своей семьи, передавая ее лексические черты Нехлюдовым (и в первую очередь Николеньке как носителю перволичного нарратива), при этом другие дворянские семьи говорят по-иному. Л.Я. Гинзбург справедливо отмечала: «В том социальном кругу, к которому принадлежит Николенька, речь строится по-разному. Один склад разговора существует в семье Нехлюдовых, другой – в семье Иртеньевых» [Гинзбург: 648].

Примером грамматического экзотизма может служить использование существительного *герань* в мужском роде – *гераний*: «…стояли два горшка герания» [Толстой 1960: 226]. Отметим, что грамматические варианты *гераний* и *гераниум* были характерны преимущественно для XVIII – начала XIX в., а в эпоху Толстого слово употреблялось уже как существительное женского рода.

К числу экзотических грамматических форм «Юности» можно отнести и глагол *совладеть* («не мог совладеть с самим собою», «не совладеешь с головой» [Толстой 1960: 230]). По данным НКРЯ, форма *совладеть* была зафиксирована еще в XVIII веке у Ф.А. Эмина, Н.И. Новикова, В.А. Лёвшина. Крылатым стало выражение *«С Божией стихией / Царям не совладеть»* из «Медного всадника» А.С. Пушкина [Шкляревский 1999: 141]. То есть до Толстого была довольно солидная языковая традиция использования этого глагола. НКРЯ отмечает к настоящему времени 142 примера его употребления в 112 текстах. Вместе с тем уже для толстовского времени слово было явно экзотическим, потому что с 1810-х гг. гораздо большую распространенность в языке приобретает глагол *совладать*. По НКРЯ, его первое употребление отмечается у П.А. Вяземского, Н.В. Гоголя, М.А. Корфа, В.И. Даля и др. В целом эта бывшая просторечная форма практически вытеснила форму *совладеть* из языка. НКРЯ дает *совладать* в 1301 примере на 961 текст (в том числе в устойчивых, типичных сочетаниях «*не совладать с кем- или чем-либо*», обладающих в языке «смысловой, формальной, оценочной стабильностью» [Шестакова: 279]). В данном случае также нужно отметить тяготение Толстого к точной передаче семейного словоупотребления вопреки языковой частотности.

Толстому принадлежит большая заслуга в укоренении в русском литературном языке многих заимствований его эпохи. Чаще всего Толстой не является первым писателем, который использует то или иное иноязычное слово, но он всегда относится к числу родоначальников самой традиции применения того или иного заимствования в освоенном – транскрибированном или транслитерированном – виде.

Толстой был весьма отзывчив к новой лексике. Так, в «Юности» заметным является пласт заимство-

ванных глаголов, которые с той или иной степенью успешности стали распространяться в русском языке в начале 1860-х гг. Приведем три самых показательных в этом отношении глагола: *кюльтивировать, мальтретировать, магнетизировать*.

Толстой использует огласовку *кюльтивировать* («необходимо кюльтивировать это знакомство» [Толстой 1960: 272] – ‘развивать, укреплять, поддерживать’). НКРЯ дает на такую огласовку четыре примера в трех текстах. Толстовское употребление является первым, три других принадлежат М.Е. Салтыкову-Щедрину, использовавшему этот глагол в своих очерках 1870-х гг.

Надо отметить, что в такой форме глагол не прижился, в то время как параллельная форма *культивировать* активно вошла в язык: по НКРЯ – 1494 примера в 1068 текстах. Первые употребления формы *культивировать* относятся к самому началу 1860-х гг., причем значение первоначально – самое общее, не относящееся к научной (или конкретнее – ботанической и растениеводческой) сфере: *культивировать красоту, культивировать мозг, культивировать добродетель* – у В.П. Авенариуса, Н.В. Шелгунова, С.М. Степняка-Кравчинского. С 1870-х гг., как показывает НКРЯ, значение стало закрепляться за научной биологической сферой (*культивировать растения сельскохозяйственного назначения*) – у И.И. Мечникова, Н.И. Пирогова, Н.М. Пржевальского. Таким образом, язык усвоил иную, не толстовскую огласовку, стилистически (и отчасти семантически) сузив этот глагол. Вместе с тем Толстой – один из первых писателей, который использовал в своем тексте русскоязычный вариант данного французского по происхождению слова.

На глагол *мальтретировать* НКРЯ дает семь примеров в шести текстах, из которых «Юность» является первым («мальтретирует эту княжну» [Толстой 1960: 274] – ‘унижает, угнетает’). Кроме Толстого, из известных русских писателей этот глагол употребляли М.Е. Салтыков-Щедрин и И.А. Бунин. Последний случай датируется 1950-м годом в «Дневнике» В.Г. Малахиевой-Мирович. Слово не прижилось в языке, однако импульс, приданный ему Толстым, очевидно, некоторое время развивался.

Глагол *магнетизировать* в значении ‘гипнотизировать’ зафиксирован «Новым словотолкователем…» Н. Яновского в 1804 г. В этом же значении слово чаще всего использовалось на протяжении всего XIX в. По данным НКРЯ, впервые – в статье Н.М. Карамзина «О магнетизме» (1802 г.). До Толстого встречается у Ф.Н. Глинки, Е.П. Ростопчиной, В.С. Арсеньева. Таким образом, Толстой поддерживал языковую традицию, используя этот глагол в привычном для своего времени значении: «…пристально глядел на читавшую Вареньку и думал, что я ее магнетизирую и что она должна взглянуть на меня» [Толстой 1960: 292].

К концу XIX в. в русском языке появился глагол *гипнотизировать*, который первоначально существовал как синоним к *магнетизировать*. НКРЯ отмечает такой пример из рассказа В.Я. Брюсова «В зеркале» (1903 г.): «Я гипнотизировала, магнетизировала ее всем напряжением своей полусонной воли». В XX в. у слова *магнетизировать* возникло новое значение – ‘намагничивать’. По НКРЯ, одно из первых использований в таком значении встречается у А.С. Грина: *магнетизированная палочка*. В лексической традиции XX в. оба значения глагола стали совмещаться в метафорическом употреблении – ‘притягивать, привлекать, завораживать’ [БТС: 512]. НКРЯ дает несколько подобных примеров уже в XXI в.: в произведениях Л.А. Данилкина, а также в театральных очерках В.С. Розова (*спектакль магнетизирует*). Таким образом, толстовское словоупотребление, как и словоупотребление его предшественников и последователей в литературе, способствовало закреплению глагола *магнетизировать* в русском языке и дальнейшему развитию его семантики.

К числу заимствований, использованных в «Юности» и представляющих собой одно из первых применений русскоязычного варианта слов, относятся существительные *эффектация* и *адмирация*.

В тексте «Юности» встречается только вариант *эффектация*, хотя, по данным НКРЯ, ранее у Толстого – в рассказах «Севастополь в декабре месяце» и «Севастополь в августе 1855 года» – присутствует вариант *аффектация* (*аффектация хладнокровия* и *без аффектации говорит с вами*). В «Войне и мире» слово *аффектация* отмечается несколько раз (*аффектация скромности, аффектация почтительности, аффектация служаки*).

По данным НКРЯ, вариант *эффектация* встречается в четырех примерах из четырех текстов. Впервые этот вариант употреблен именно в «Юности» у Толстого: «Мое одно спасенье была эффектация небрежности» [Толстой 1960: 340]. После Толстого такой вариант в начале XX в. отмечен у К.М. Станюковича и И.Ф. Анненского; последний раз – у Игоря Сухих в 2002 г. Вполне очевидно, слово принадлежит к числу предпочитаемых Толстым галлицизмов, но русскоязычный графический вариант устоялся у него не сразу.

Значение этого существительного ‘преувеличение, подчеркнутое выражение какого-либо чувства, настроения’ развивается в произведениях Д.В. Григоровича, Н.С. Лескова, Ф.М. Достоевского, К.М. Станюковича, В.В. Крестовского. И Толстой, и названные писатели способствуют корректировке в русском языке семантики названного существительного, первоначально пришедшего в наш язык в нетрансли-

терированном виде *affectation* со значением ‘притворство, подражание, обман’. Именно в таком значении его употреблял в 1770-е гг. Д.И. Фонвизин, а в первой четверти XIX в. – Н.И. Тургенев, М.А. Корф, А.Д. Салтыков, Ф.В. Булгарин, П.А. Вяземский и многие другие. НКРЯ позволяет заключить, что русские прозаики второй половины века, в том числе Толстой, способствовали не только русификации внешнего облика слова, но и его семантическому расширению. Как уже отмечалось, Толстой любил это слово, активно его использовал во многих своих произведениях и таким образом способствовал его укоренению в языке. Существительное обладает средней речевой частотностью: к настоящему времени НКРЯ дает 278 примеров в 223 текстах, но слово активно используется поныне. Последний пример в НКРЯ датируется 2015-м годом.

Очевидно, что Толстой первым употребил русифицированную форму французского существительного *admiration* ‘восхищение, удивление, преклонение’ от глагола *admirer* ‘любоваться, восхищаться’ – *адмирация*. НКРЯ дает 5 примеров использования этого слова в четырех текстах. У Толстого в «Юности» читаем: «…а тетенька в невинности души находится в адмирации перед ним и не имеет довольно такту, чтобы скрывать от него эту адмирацию…» [Толстой 1960: 347]. Толстому чрезвычайно важно это слово для максимально точного определения отношения Любови Сергеевны к Дмитрию Нехлюдову, которое соответствует французскому ‘почтение, восхищение, почитание, восторг’.

Особая патетичность существительного, его способность выразить восхищение в наивысшей степени переданы и в других контекстах, зафиксированных НКРЯ: у Н.В. Шелгунова в 1876 г., у А.Н. Болдырева в «Блокадном дневнике» 1941–1948 гг. Последнее по хронологии словоупотребление принадлежит А.П. Чудакову, который в романе «Ложится мгла на старые ступени» (2000 г.) фиксирует один из возможных путей проникновения (наряду с толстовской «Юностью») этого редкого слова в речь носителей языка XX в.: «…свойство чем-либо восхищаться дед именовал словом адмирация, видимо, семинарским – его не оказалось ни в одном словаре» [Чудаков: 226]. Таким образом, это весьма выразительное слово сохраняет характер экзотизма и изредка всплывает в XX в. не только для реализации особого значения, но и с целью иллюстрации характера использования языка той или иной личностью.

В повести «Юность» отмечается употребление нетранслитерированных заимствований, привычных для описываемого социального круга. При этом некоторые из них даются в нескольких вариантах. В частности, названия приспособления для рисования или письма, в которое вставляется карандаш, используется Толстым и в дефисном, и в слитном написании: *port-crayon* и *portecrayon* [Толстой 1960: 244, 245].

Художественный мир текста в лексическом воплощении. Лингвопоэтика повести. Художественным открытием Толстого является передача сложных человеческих чувств в их мельчайших оттенках и постоянной динамике. В «Юности» встречается такой пример: «Я даже *наслаждался в отвращении* к прошедшему и старался видеть его *мрачнее*, чем оно было. <…> Голос *раскаяния и страстного желания совершенства* и был главным новым душевным ощущением в эту эпоху моего развития…» (курсив в цитатах здесь и далее наш. – *Д. Р.*) [Толстой 1960: 216]. Бесконечно разнообразные, смело-новаторские и оригинальные сочетания лексем эмоционального содержания служат одним из опознавательных признаков толстовского литературного стиля: «Выражению сложности, тонкости, текучести человеческих восприятий и служит своеобразие необычных словосочетаний, употребляемых Толстым» [Купреянова 1956: 49].

Писателю важно точное самовыражение. Об этом он много размышляет в своих письмах конца 1850-х гг. Справедливо наблюдение Б.И. Бурсова: «…в письмах этого периода Толстой пишет главным образом о себе, лишь изредка высказывая мнение о различных общественно-политических группировках» [Бурсов: 84].

В повести весьма выделяются бытовые черты, характерные для той эпохи. Так, про St.-Jérôme сказано: «Он редко бывал дома, стал курить папиросы, которые были тогда большим щегольством, и беспрестанно *свистал через карточку* какие-то веселенькие мотивы» [Толстой 1960: 218]. Свистать через карточку – это обычное для середины позапрошлого века исполнение полюбившейся мелодии с помощью какого-либо твердого, но гибкого предмета (по принципу губной гармошки). Эта деталь служит созданию так необходимой художественному тексту конкретики жизни дворянской семьи середины XIX в. А.П. Скафтымов удачно назвал толстовское отношение к мелким подробностям и деталям «неслыханной актуализацией бытовых мелочей» [Скафтымов: 153]. Они далеко не случайны – каждая сама по себе и все в совокупности, – ибо воссоздают важную для понимания произведения атмосферу повседневной жизни определенного социального круга и характеризуют внутренний мир того или иного героя (а нередко обозначают какие-либо «движения» в этом мире). В приведенном примере показано, как изменился чванливый и надутый St.-Jérôme, переставший ввиду успехов своих воспитанников опасаться за свою репутацию и положение в семействе Иртеньевых. Детализация – составляющая «принципа жизнеподобия, важнейшего для Толстого; в разливе бытовых мело-

чей и деталей он, как никто, умеет отразить внутреннюю психическую жизнь героев, сделать ее зримой, как на экране» [Барышников 2014: 189].

Некоторые приемы сквозной нитью проходят через все три автобиографические повести Толстого. В частности, риторические вопросы, содержанием которых является сожаление об утрате или возможной утрате каких-то чувств, владевших героем в ранние периоды его жизни. Глава «Мечты» в повести «Юность» завершается таким риторическим вопросом: «Благой, отрадный голос, столько раз с тех пор… вдруг смело восставший против всякой неправды, злостно обличавшей прошедшее, указывавший, заставлявший любить ясную точку настоящего… Благой, отрадный голос! Неужели ты перестанешь звучать когда-нибудь?» [Толстой 1960: 216]. Сравним этот риторический вопрос с финальными риторическими вопросами главы «Детство» в одноименной повести (приведем два последних вопроса из целого цикла-периода таких вопросов, завершающих главу): «Неужели жизнь оставила такие тяжелые следы в моем сердце, что навеки отошли от меня слезы и восторги эти? Неужели остались одни воспоминания?» [Толстой 1960: 64].

По мнению Г.А. Лесскиса, заключительные главы повестей биографической трилогии также построены по одному принципу: «…они представляют некий нравственный вывод из содержания каждой части (как в баснях!)» [Лесскис: 121] (заметим, что в «Детстве» и «Отрочестве» по форме это тоже риторические вопросы, в «Юности» – патетические слезы, равные риторическому восклицанию).

Некоторые стилистические приемы Толстой устойчиво использовал на протяжении всей трилогии. К числу таковых относится нагнетение диминутивов. Отдельные композиционные части толстовских текстов сознательно перегружены диминутивами с целью придать повествованию вполне определенный эмоциональный заряд. Так, в повести «Юность» с помощью диминутивов передается благостное и счастливое настроение отца-Иртеньева, пребывавшего какое-то время в постоянном выигрыше за карточным столом: «…он бывал чрезвычайно весел, бренчал на фортепьяно свои любимые *штучки*, делал *сладенькие глазки* и выдумывал про всех нас и Мими *шуточки*…» [Толстой 1960: 216].

В ранних повестях Толстого, к числу которых принадлежит и биографическая трилогия, достаточно активно используются литературные стилистические приемы, от которых впоследствии Толстой откажется, как от ненужного и расхожего для своего времени балласта. К числу таких приемов можно отнести акцентированную антитезу. Вот примеры из «Юности»: «Зачем все так *прекрасно, ясно* у меня в душе и так *безобразно* выходит на бумаге и вообще в жизни?» [Толстой 1960: 221]; «Чем *чернее* был круг воспоминаний прошедшего, тем *чище и светлее* выдавалась из него *светлая, чистая* точка настоящего…» [Толстой 1960: 216].

В раннем творчестве Толстой активно применял все изобразительно-выразительные средства языка, не пренебрегал яркими эпитетами, метафорами, сравнениями, как это будет в его позднем творчестве, когда Толстой выработал свой «строгий» стиль. Общественный «эффект» ранней прозы Толстого определялся в немаловажной степени «поэтичностью» и «художественным исполнением» [Бурнашева 1999: 182]. В «Юности» немало интересных лексических находок подобного рода. Оценим, например, метафорический эпитет в следующем примере: «Гм! – промычал я, чувствуя опять на своем лице *распускающуюся* глупо-самодовольную улыбку» [Толстой 1960: 248]. При этом образность Толстого всегда «свободна от какой бы то ни было условности и «красивости» словесного выражения» [Купреянова 1966: 153].

Оригинален и художественно выверен оксюморон, который достаточно точно характеризует княгиню Марью Ивановну Нехлюдову: «Княгиня засмеялась снова *неестественным*, *ей естественным* смехом» [Толстой 1960: 283]. В данном случае, «подобно обновлению общеупотребительных языковых метафор, Толстой прибегает к словосочетаниям, весь эффект которых обусловливается сочетанием точности предметных значений слов с алогизмом связи и взаимодействий этих значений» [Купреянова 1966: 152].

В повести «Юность» Толстой активно ведет поиск различных средств литературной выразительности, что относится не только к тропам, но и к композиционным фрагментам, которые структурируют отдельные тематические части нарратива повести. Так, при изображении быта и нравов различных семейств, входивших в окружение Иртеньевых, Толстой использует различные приемы создания «атмосферы быта». Например, изображение Корнаковых сделано с включением явно театрализованных композиционных элементов. Вот одно из типичных звеньев повествования главы XIX «Корнаковы»: «Когда она говорила о брате и особенно о том, что он против воли maman пошел в гусары, она сделала испуганное лицо, и все младшие княжны, сидевшие молча, сделали тоже испуганные лица; когда она говорила о кончине бабушки, она сделала печальное лицо, и все младшие княжны сделали то же; когда она вспомнила о том, как я ударил St.-Jérôme и меня вывели, она засмеялась и показала дурные зубы, и все младшие княжны тоже засмеялись и показали дурные зубы» [Толстой 1960: 267]. Перед нами в буквальном смысле изображение театральных мизансцен, комичных в своей зеркальной повторяемости.

Внимание Толстого к деталям внешнего облика человека стало складываться уже в ранних произведениях, и «Юность» это наглядно демонстрирует. Так, улыбка, которая является весьма заметной чертой внешнего облика, у разных героев имеет показательные лексические способы воплощения. У молодой мачехи младших Иртеньевых, Авдотьи Васильевны, улыбка *красивая и однообразная*. Причем Толстой несколько раз повторяет оба эпитета, делая их устойчивой характеристикой внешности Авдотьи Васильевны, за которой стоят важные для текста свойства ее личности.

Повтор, иногда более чем двукратный, – также заметный атрибут стиля Толстого. Эта особенность не раз представлена в тексте «Юности». Повторяться могут не только характеризующие детали внешности, о чем говорилось выше, но и какие-либо качества и свойства интерьерного ряда или поведенческого контура. Например, рассуждая о типах любви, Толстой выделяет любовь самоотверженную и подчеркивает ее ориентацию на внешние эффекты. С этой целью он повторяет (нагнетает) наречие *видимо*: «Она *видимо* больна, но, не желая вас огорчать, не хочет говорить вам этого; она *видимо* скучает, но для вас она готова скучать всю свою жизнь; ее *видимо* убивает то, что вы так пристально занимаетесь своим делом… она видит, что эти занятия погубят вас, – но она молчит и терпит» [Толстой 1960: 286].

В «Юности» Толстой глазами Николая Иртеньева делает несколько наблюдений над особенностью речи молодого поколения. Эти наблюдения подкрепляют его суждения о людях comme il faut и всех прочих, не отвечающих требованиям аристократизма. Причем постепенно оценка людей, не принадлежащих к кругу comme il faut, в «Юности» смещается с негативной на позитивную. Проявляется это в том числе и в наблюдениях над их речью, которые весьма интересны в плане оценки различных типов языковой личности студентов конца 1850-х гг. Приведем эти наблюдения Толстого: «…они употребляли слова: *глупец* вместо *дурак*, *словно* вместо *точно*, *великолепно* вместо *прекрасно*, *движучи* и т. п., что мне казалось книжно и отвратительно непорядочно. Но еще более возбуждали во мне эту комильфотную ненависть интонации, которые они делали на некоторые русские и в особенности иностранные слова: они говорили м*А*шина вместо маш*И*на, де*Я*тельность вместо д*Е*ятельность, н*А*рочно вместо нар*О*чно, в камин*Е* вместо в кам*И*не, Ш*Е*кспир вместо Шекспи*И*р и т. д. и т. д.

Несмотря, однако, на эту в то время для меня непреодолимо отталкивающую внешность, я, предчувствуя что-то хорошее в этих людях и завидуя тому веселому товариществу, которое соединяло их, испытывал к ним влеченье и желал сблизиться с ними, как это ни было для меня трудно» [Толстой 1960: 360–361].

В данном случае проявляется тот феномен, который Л.Я. Гинзбург называла «художественным образом прямой речи». Построение речи героев, выбор тех или иных слов для оформления мысли в поэтике Толстого чрезвычайно важны: «Типология слова неотделима в этой системе от этики слова. Она подчинена толстовскому разделению людей на искусственных и на одаренных чутьем, интуитивным пониманием подлинных ценностей жизни» [Гинзбург: 648].

Крушение отношения к comme il faut у Николая Иртеньева не просто декларативно, а обусловлено изменением его миропонимания (глобально, сущностно), что проявляется и в новом восприятии прямой речи окружающих. Как это будет потом устойчиво в эстетике Толстого, внутреннее естественное чувство, рождающееся вроде бы само по себе, гораздо более важно, чем интеллектуальные находки и обретения. Главного героя начинает привлекать совершенно иной круг людей, чем раньше: «Простота их обращения доходила до грубости, но под этой грубой внешностью был постоянно виден страх хоть чуть-чуть оскорбить друг друга. *Подлец, свинья*, употребляемые ими в ласкательном смысле, только коробили меня и мне подавали повод к внутреннему подсмеиванию, но эти слова не оскорбляли их и не мешали им быть между собой на самой искренней дружеской ноге» [Толстой 1960: 364]. Диалектика понимания прямой речи становится проявлением диалектики понимания самой жизни. Именно к этому путем проб и мучительных ошибок приводит Толстой своего героя: «Тотальный душевный кризис – необходимая предпосылка возрождения не только героя «Юности», но и многих героев Толстого в будущем» [Барышников: 87].

Примечания

[1] Привлечение статистических данных здесь и далее решает лингвостилистические и лингвопоэтические вопросы, связанные с идиостилем Толстого. Для лингвостатистики и НКРЯ это проблемы локальные, но оттого не менее значимые: «...лучшие исследовательские вопросы, которые можно задать, используя для ответов квантитативные методы, не масштабируются» [Пильщиков: 154].

Список литературы

Источники

БТС – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. Санкт-Петербург: Норинт, 2003. 1535 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru (дата обращения: 03.05.2026).

Переписка Л.Н. Толстого с русскими писателями. Москва: ГИХЛ, 1962. 720 с.

Рыбникова М.А. Русские пословицы и поговорки. Москва: Изд-во АН СССР, 1961. 230 с.

САР 1847 – Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. Т. 1. Санкт-Петербург: Тип. Имп. акад. наук, 1847. 415 с.

Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 1. Москва: Худож. лит., 1960. 463 с.

Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 17. Москва: Худож. лит., 1965. 623 с.

Чудаков А.П. Ложится мгла на старые ступени. Москва: Время, 2012. 640 с.

Шкляревский И.И. Крылатые слова и афоризмы А.С. Пушкина. Москва: Воскресенье, 1999. 159 с.

Исследования

Архангельский В.Л. О задачах, объектах и разделах русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Проблемы устойчивости и вариативности фразеологических единиц. Тула: Изд-во ТГПИ им. Л.Н. Толстого, 1972. С. 155–194.

Барышников Е.П. Образная концепция мира в прозе Л.Н. Толстого. Москва: Перо, 2014. 272 с.

Бурнашева Н.И. Раннее творчество Л.Н. Толстого: текст и время. Москва: МИК, 1999. 336 с.

Бурнашева Н.И. «…Пройти по трудной дороге открытия…». Загадки и находки в рукописях Льва Толстого. Москва: Флинта: Наука, 2005. 368 с.

Бурсов Б.И. Критический реализм в литературе 60-х годов (1855–1868 гг.) // История русской литературы: в 3 т. Т. 3. Москва: Наука, 1964. С. 5–296.

Гинзбург Л.Я. О литературном герое // О психологической прозе. О литературном герое. Санкт-Петербург: Азбука, 2016. С. 471–694.

Купреянова Е.Н. Молодой Толстой. Тула: Тульское кн. изд-во, 1956. 216 с.

Купреянова Е.Н. Эстетика Л.Н. Толстого. Москва; Ленинград: Наука, 1966. 324 с.

Лесскис Г.А. Лев Толстой (1852–1869). Москва: ОГИ, 2000. 640 с.

Пильщиков И.А. Семь бесед о филологии и Digital Humanities. Москва: Изд-во МГУ, 2022. 190 с.

Романов Д.А. Прилагательные, характеризующие светское общество в произведениях Л.Н. Толстого 1880–1890-х гг. // Acta linguistica Petropolitana: Труды Института лингвистических исследований РАН. Санкт-Петербург: Наука, 2008. Т. 4, ч. 3. С. 243–254.

Романов Д.А. Языковые новации произведений Л.Н. Толстого 1870–1890-х гг. на фоне семантической и стилистической неологии его творчества // Труды Института русского языка РАН им. В.В. Виноградова. Москва: ИРЯ РАН, 2019. Вып. 19. С. 92–98.

Скафтымов А.П. Идеи и формы в творчестве Л. Толстого // Нравственные искания русских писателей. Москва: Худож. лит., 1972. С. 134–164.

Шестакова Л.Л. Крылатые выражения, афоризмы, цитаты в современных авторских словарях // Язык. Человек. Культура: сб. науч. трудов. Москва: Изд-во ИЯ РАН, 2022. С. 277–284.

Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой. Кн. 1: Пятидесятые годы // Работы о Льве Толстом. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2009. С. 147–354.

References

Arkhangel'skii V.L. *O zadachakh, ob'ektakh i razdelakh russkoi frazeologii kak lingvisticheskoi distsipliny* [On the Tasks, Objects, and Sections of Russian Phraseology as a Linguistic Discipline]. *Problemy ustoichivosti i variativnosti frazeologicheskikh edinits* [*Problems of Stability and Variability of Phraseological Units*]. Tula, Tolstoy State Pedagogical Institute Publ., 1972, pp. 155–194. (In Russ.)

Baryshnikov E.P. *Obraznaia kontseptsiia mira v proze L.N. Tolstogo* [*The Figurative Concept of the World in L.N. Tolstoy's Prose*]. Moscow, Pero Publ., 2014, 272 p. (In Russ.)

Burnasheva N.I. *Rannee tvorchestvo L.N. Tolstogo: tekst i vremia* [Tolstoy's Early Works: Text and Time]. Moscow, MIK Publ., 1999, 336 p. (In Russ.)

Burnasheva N.I. *"...Proiti po trudnoi doroge otkrytiia…": Zagadki i nakhodki v rukopisiakh L'va Tolstogo* [*"...To Walk the Difficult Road of Discovery...": Riddles and Finds in Leo Tolstoy's Manuscripts*]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2005, 368 p. (In Russ.)

Bursov B.I. *Kriticheskii realizm v literature 60-kh godov (1855–1868 gg.)* [Critical Realism in the Literature of the 1860s (1855–1868)]. *Istoriia russkoi literatury: v 3 t. T. 3* [History of Russian Literature: in 3 vols. Vol. 3]. Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 5–296. (In Russ.)

Eikhenbaum B.M. Lev Tolstoi. Kn. 1: Piatidesiatye gody [Leo Tolstoy. Vol. 1: The Fifties]. *Raboty o L've Tolstom* [Works on Leo Tolstoy]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2009, pp. 147–354. (In Russ.)

Ginzburg L.Ia. O literaturnom geroe [On the Literary Hero]. *O psikhologicheskoi proze. O literaturnom geroe* [*On Psychological Prose. On the Literary Hero*]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2016, pp. 471–694. (In Russ.)

Kupreianova E.N. *Molodoi Tolstoi* [*Young Tolstoy*]. Tula, Tul'skoe kn. izd-vo Publ., 1956, 216 p. (In Russ.)

Kupreianova E.N. *Estetika L.N. Tolstogo* [Aesthetics of L.N. Tolstoy]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966, 324 p. (In Russ.)

Lesskis G.A. *Lev Tolstoi (1852–1869)* [Leo Tolstoy (1852–1869)]. Moscow, OGI Publ., 2000, 640 p. (In Russ.)

Pil'shchikov I.A. *Sem' besed o filologii i Digital Humanities* [Seven Conversations on Philology and Digital Humanities]. Moscow, Moscow State University Publ., 2022, 190 p. (In Russ.)

Romanov D.A. *Prilagatel'nye, kharakterizuiushchie svetskoe obshchestvo v proizvedeniiakh L.N. Tolstogo 1880–1890-kh gg.* [Adjectives Characterizing Secular Society in L.N. Tolstoy's Works of the 1880s–1890s]. *Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanii RAN* [Acta linguistica Petropolitana: Transactions of the Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008, vol. 4, iss. 3, pp. 243–254. (In Russ.)

Romanov D.A. *Iazykovye novatsii proizvedenii L.N. Tolstogo 1870–1890-kh gg. na fone semanticheskoi i stilisticheskoi neologii ego tvorchestva* [Linguistic Innovations in L.N. Tolstoy's Works of the 1870s–1890s Against the Background of the Semantic and Stylistic Neology of His Work]. *Trudy Instituta russkogo iazyka RAN im. V.V. Vinogradova* [Transactions of the V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences]. Moscow, IRI RAS Publ., 2019, vol. 19, pp. 92–98. (In Russ.)

Skaftymov A.P. *Idei i formy v tvorchestve L. Tolstogo* [Ideas and Forms in the Works of Leo Tolstoy]. *Nravstvennye iskaniia russkikh pisatelei* [*Moral Searches of Russian Writers*]. Moscow, Khud. lit. Publ., 1972, pp. 134–164. (In Russ.)

Shestakova L.L. *Krylatye vyrazheniia, aforizmy, tsitaty v sovremennykh avtorskikh slovariakh* [Catchphrases, Aphorisms, and Quotations in Modern Authors' Dictionaries]. *Iazyk. Chelovek. Kul'tura: sb. nauch. trudov* [*Language. Man. Culture: Collection of Scientific Papers*]. Moscow, ILS RAS Publ., 2022, pp. 277–284. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.04.2026; одобрена после рецензирования 22.05.2026; принята к публикации 10.09.2026.

The article was submitted 15.04.2026; approved after reviewing 22.05.2026; accepted for publication 10.09.2026.